

Автограф на пропуске

В ГОСТЯХ У МИХАИЛА ЖАРОВА

Я пришел в этот дом в гости к замечательному актеру — Михаилу Ивановичу Жарову. В начале века родился он в центре Москвы. Манера произношения, широта души, привычки — все в нем выдает коренного москвича.

Жаров вспоминает давно ушедшие времена. Едва исполнилось десять лет, стал работать в книжном магазине Анзиминова. В ущерб деятельности «мальчика при бандеролях» зачитывался книгами. Позже, в тринадцать лет, стал учеником наборщика в типографии Р. Бахмана на Сушево-Казанской улице. А привел его сюда отец Иван Николаевич — один из лучших наборщиков этой типографии. Может, в те далекие годы зародилась и на всю жизнь осталась у Жарова страстная любовь к печатному слову?

— Наверное, так и было, — кивает Михаил Иванович.

Сотни книг заполнили квартиру. Они на полках и рядом с письменным столом...

— Книга сформировала меня как актера и как человека, — признается Михаил Иванович. — Пожалуй, не было дня, чтобы я не читал любимых писателей.

Особенно неравнодушен Жаров к Пушкину.

— Если расстроюсь или просто устану от работы, беру сборник стихов Пушкина. Чтение успокаивает меня, приводит в норму, — говорит Михаил Иванович.

Хозяин раскрывает книгу и произносит вдохновенные строки неповторимым «жаровским» голосом.

Мне известно о пристрастии актера к миниатюрным книгам. Называю несколько «малюток», хранящихся в моей библиотеке. В хозяйне моментально просыпается собиратель. Он живо обсуждает достоинства названных книг.

Затем Михаил Иванович открывает шкаф, где лежит, видимо, самое заветное. Среди множества книг безошибочно находит малоформатное издание в красивом кожаном переплете. Движением легким и изящным (сразу видно книжника!) раскрывает его и протягивает мне. Читаю: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. Санкт-Петербург. 1837». Это последняя книга поэта, вышедшая при его жизни. Теперь она причислена к раритетам.

— Впрочем, — замечает Михаил Иванович, — я покажу и другое миниатюрное издание Александра Сергее-

вича, которое мне дорого как полиграфический шедевр, созданный талантливыми руками наборщиков, переплетчиков, художника...

— Смотрите! — торжественно произносит Михаил Иванович, и мне на ладонь ложится крошечная красавица: «А. С. Пушкин. Стихотворения. Москва, «Художественная литература». 1975 год. Ее художник — Николай Ильин.

— Но, Михаил Иванович, мини-книги лишь небольшая часть вашего собрания. Вам доводилось встречаться, дружить со многими выдающимися деятелями культуры. Наверняка и они преподнесли вам свои книги и автографы...

— Конечно, такие книги есть! — отвечает Жаров. — Дружеские надписи сделали на них А. Толстой, А. Ахматова, М. Пришвин, К. Тренев и другие. Но хочу рассказать об одной из встреч с Маяковским. В то время я работал в театре В. Э. Мейерхольда. Если не ошибаюсь, в марте 1928 года приехали на гастроли в Одессу, где мы часто бывали...

Однажды вместе с Николаем Павловичем Охлопковым мы сидели в кафе. Вошел Маяковский. Я был с ним знаком. Еще в Москве сражался в бильярд. Игрок он был, как известно, прекрасный, с точным, мощным ударом! Мне почти никогда не удавалось у него выиграть.

— Мейерхольдовцы! — заметил нас поэт.

— Мейерхольдовцы и маяковцы! — поправил кто-то из нас.

— Спасибо! — и Владимир Владимирович подсел к нам.

— Сегодня выступаете в Политехническом институте? — спросил Охлопков.

— Да, но в гостиницу идти не хочу, — ответил поэт. Не дадут покоя любители автографов, замучают перед выступлением до смерти. Надо здесь спастись до вечера!

— Слава обязывает! — сказал кто-то из нас.

— Обязывает и утомляет, — возразил Маяковский.

— В таком случае мы вас тоже утомим. Дайте пропуск на ваше выступление, — попросил я.

— Добились все-таки автографа! — улыбнулся Маяковский. — Я дам вам пропуск на двоих.

И поэт, оторвав от меню клочок и вынув свое знаменитое стило, написал на нем несколько слов.

В. ЛАВРОВ.

● М. Жаров в своей библиотеке.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

31 ИЮНЬ 1981

